

Австрийская писательница ослепила зрителей

Новая пьеса Эльфриды Елинек

премьера театр

Не все нобелевские лауреаты так расцветают после присуждения премии, как это случилось с писательницей Эльфридой Елинек. За успехом ее спектакля «Вавилон» в венском Бургтеатре наблюдал специально для „Ъ“ АЛЕКСЕЙ МОКРОУСОВ.

С тех пор как Эльфрида Елинек стала Нобелевским лауреатом по литературе, скандальной звезде австрийской словесности (особенно прославившейся после фильма «Пианистка», снятого по ее роману) простили многие резкости и колкости. Газеты наперебой печатают ее тексты, а австрийские театры начали ставить пьесы двадцатилетней давности, шедшие до этого где угодно (в основном в Германии), но ни разу не допущенные на сцены отечества.

Зато сейчас в Вене ставят госпожу Елинек практически «с листа». Режиссер Николас Штеман, поставивший «Вавилон» на сцене Бургтеатра, вынужден был проявить изрядную изобретательность — пьеса состоит из трех монологов. При их создании автора вдохновляли (если подобное слово здесь уместно) события в иракских тюрьмах, где американские солдаты пытали и издевались над заключенными. Но прямых сцен унижения в спектакле практически нет. Речь в целом о войне и насилии, о том, как сосуществуют они с обществом потребления. Автор допускает политически некорректные насмешки над вуайеризмом интеллектуалов, издевается над религиозной агрессией и связывает воедино секс и политику.

Сюжет дробится на три отдельные истории, причем первый монолог сперва читает голос из репродуктора, затем на авансцене его повторяет компания лягушек-марионеток, и только потом появляются живые актеры. Одна новелла — о пристрастии к ценностям отцов, отдающих, на взгляд Елинек, верностью архаическому каннибализму. Вторая — о семье в сегодняшнем мире и об отношениях матери и сына, не спасающих от напрасных смертей. Третья — о двусмысленной роли массмедиа во всеобщем очаровании солдатским умением убивать, скрытом или откровенном восхищении войной.

Текста звучит много, и без этого балансирования между иронией и эмоцией, сатирой и пафосом театр Елинек не существует. Но дело все же не только в нем (не на митинг же пришли в самом деле), а в той атмосфере, что создается на сцене. Художник Кат-

рин Нотродт не поспешила на игру контрастов. От сумеречного состояния семейных сцен она переходит к слепящим в буквальном смысле слова картинам. На заднике смонтировано панно из десятков прожекторов. В последние минуты спектакля, когда из-под колосников опускается крест с распятым человеком, они загораются во всю свою чудовищную силу. Тут-то до многих зрителей и доходит смысл разложенных на гардеробных стойках непрозрачных пластинок, используемых обычно любопытствующими при солнечных затмениях. Те, кто догадался прихватить эти «очки» с собою в зал, оказались в куда более комфортной ситуации, чем недогадливая часть публики, вынужденная прикрываться программками, а то и просто покидать досрочно свои места в партере.

Многие сделали бы это, судя по всему, и безо всякой попытки прожекторами. Ехидные пассы в адрес бюргерства, вечно пребывающего в состоянии «ничего не вижу, ничего не слышу, ничего никому не скажу», обнаженные мужские тела и прочие шокирующие атрибуты — подобная эстетика многих способна возмутить в венском партере, зато находит горячую поддержку у галерки. На этот раз, впрочем, оставшаяся часть партера была скорее благодушна. На последующем после «Вавилона» обсуждении спектакля можно было видеть многих зрителей из первых рядов.

Подобные обсуждения — замечательный феномен австрийской театральной жизни. Они собирают как актеров, драматургов, так и заинтересованных зрителей. Есть что-то в этих встречах откровенно-доверчивое, напоминающее о советском опыте 1920-х, но умиляться подобным беседам может лишь заезжий иностранец. Для публики это лишь привычная форма проявления гражданской жизни, способ обсудить те проблемы, которые так или иначе касаются каждого. Интересно, что сама госпожа Елинек, присутствовавшая на спектакле, на обсуждение не пришла. Вряд ли она уподобилась футбольному тренеру после поражения — у «Вавилона» неплохая пресса. Просто все, что хотела, она уже сказала. Публика задавала порой самые простодушные вопросы. Некоторые из них были, впрочем, точнее иных закадемизированных высказываний. Например, а где же тут иракская война? Лучшего комплимента драматургу невозможно было придумать. Если события в Фаллудже и Абу Грейбе обдуманы и проанализированы так, что выглядят всемирными и вечными, своей цели автор достиг.

КоммерсантЪ. — 2005 — 18 ил. 18. — с. 22